

ИНСТИТУТ ОТТО-ПРЕМИНГЕР (OTTO-PREMIINGER-INSTITUT) против АВСТРИИ

Судебное решение от 20 сентября 1994 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Ассоциация-заявитель (Институт аудиовизуальных средств информации Отто Премингера — “ОРИ”) находится в Инсбруке, где имеет разрешение на содержание кинотеатра. Именно в этом кинотеатре она намеревалась организовать начиная с 13 мая 1985 г. демонстрацию фильма Вернера Шрётера “Любовный собор”.

После обращения Инсбрукской епархии Римской католической церкви прокурор за три дня до намеченного показа возбудил уголовное дело против управляющего ассоциации-заявителя по обвинению в покушении на совершение уголовно наказуемого деяния — “оскорбление религиозных верований” (статья 188 Уголовного кодекса Австрии). За день до показа фильма земельный прокурор Инсбрука вынес постановление о его аресте. Таким образом, фильм не был показан публике. 30 июля 1985 г. Земельный суд отклонил жалобу на постановление об аресте, поданную управляющим ассоциации-заявителя.

24 октября 1985 г. разбирательство по уголовному делу против управляющего ассоциации-заявителя было прекращено. Проходившее рассмотрение дела в Земельном суде велось как “объективное разбирательство”, то есть оно было направлено не на осуждение физического лица, а на конфискацию фильма (статья 33 Закона о средствах информации). 10 октября 1986 г. Земельный суд Инсбрука вынес решение о конфискации фильма, полагая, что существенное вмешательство в сферу религиозных чувств, вызываемое провокационной позицией фильма, перевешивало в данном случае свободу художественного творчества, гарантированную Конституцией Австрии.

Управляющий ассоциации-заявителя обратился в Верховный земельный суд Инсбрука, который нашел, что у управляющего нет надлежащего правового статуса, так как он не является владельцем авторских прав на фильм, и, соответственно, 25 марта 1987 г. объявил его апелляционную жалобу неприемлемой.

В мае 1987 г. федеральный министр по делам образования, искусства и спорта предложил прокурору подать в интересах права жалобу в Федеральный Верховный Суд, но прокурор отказался это сделать.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В своей жалобе в Комиссию от 6 октября 1987 г. ассоциация-заявитель утверждала, что как арест фильма, так и его последующая конфискация явились нарушением статьи 10 Конвенции.

12 апреля 1991 г. Комиссия объявила жалобу приемлемой. В своем докладе от 14 января 1993 г. она выразила мнение, что имело место нарушение статьи 10 как в отношении ареста (девятью голосами против пяти), так и конфискации (тринадцатью голосами против одного).

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. Предварительные возражения Правительства

35. Правительство утверждало, что жалоба, которая была подана 6 октября 1987 г. (см. п. 31 выше), поступила в Комиссию по истечении шестимесячного срока обращения, установленного статьей 26 Конвенции, которая гласит:

“Комиссия может принимать дело к рассмотрению... в течение шести месяцев, считая с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу”.

Во-первых, Правительство ссылалось на то, что ассоциация-заявитель (“ОРИ”) была “стороной” только в судебном разбирательстве по делу об аресте фильма, а не о его конфискации. Поэтому окончательным внутренним решением в этом случае было постановление Верховного земельного суда Инсбрука, подтвердившее правомерность ареста (30 июля 1985 г.).

В субсидиарном порядке Правительство указало, что дистрибьютор фильма — компания “Церни”, являясь единственным обладателем прав на единственную копию фильма, дала согласие на его уничтожение до проведения Земельным судом первого заседания “по определению цели разбирательства”. Фактически этот же суд вынес решение о конфискации фильма 10 октября 1986 г. Раз компания “Церни” не стала его обжаловать, утверждало Правительство, значит, оно и является окончательным.

Принятие той или иной позиции будет означать, что заявление было подано не вовремя.

А. Утратило ли Правительство право ссылаться на вышеприведенное обстоятельство

36. Уполномоченный Комиссии предложил считать Правительство утратившим такое право. Соответствующее ходатайство не выдвигалось перед Комиссией на стадии решения вопроса о приемлемости. С его точки зрения, то обстоятельство, что Правительство заявило возражение, основывающееся на предельном шестимесячном сроке, установленном статьей 26, следует рассматривать как недостаточное, так как приводившиеся

тогда доводы основывались на фактах, отличных от тех, на которые делается ссылка сейчас.

37. Суд принимает к сведению такого рода возражения в пределах, в каких государство-ответчик уже выдвигало их достаточно четко перед Комиссией, и в принципе ссылка на предварительные условия должна делаться на стадии первоначального рассмотрения вопроса о приемлемости в той мере, в какой их характер и обстоятельства дела это позволяют (см. среди других решение по делу *Бримон против Бельгии* от 7 июля 1989 г. Серия А, т. 260-В, с. 68, п. 36).

Если Правительство сослалось в Комиссии на правило шести месяцев, то оно могло иметь в виду только решение Апелляционного суда Инсбрука от 30 июля 1985 г. Ничто не мешало ему сформулировать уже тогда свой субсидиарный аргумент. Следовательно, оно потеряло право заявить его перед Судом (см. среди других источников решение по делу *Папамихалопулос и другие против Греции* от 24 июня 1993 г. Серия А, т. 260-В, с. 68, п. 36).

В. Об обоснованности основного довода Правительства

38. Практически довод Правительства сводится к тому, что “ОРИ” не является лицом, “потерпевшим” от конфискации фильма, и что заявителя касалась лишь ситуация, сложившаяся в связи с арестом фильма.

39. Лицо может надлежащим образом претендовать на статус “жертвы” от вмешательства в осуществление его прав по Конвенции, если оно было непосредственно затронуто действиями, представляющими собой такое вмешательство (см. *inter alia* и *mutatis mutandis* решение по делу *Норрис против Ирландии* от 26 октября 1988 г. Серия А, т. 142, с. 15—16, п. 31, и решение по делу “Открытая дверь” и “Дублинские повитухи” против Ирландии от 29 октября 1992 г. Серия А, т. 246, с. 22, п. 43).

40. Хотя ассоциации-заявителю не принадлежали авторские права на конфискованную копию фильма и она не была ее собственником, тем не менее решение о конфискации затронуло ассоциацию, сделав невозможным показ этого фильма в ее кинотеатре в Инсбруке или где-либо и когда-либо в Австрии. Более того, арест был промежуточной мерой, правомерность которой была подтверждена последующим решением о конфискации; одно нельзя отделить от другого. Наконец, немаловажно, что управляющий ассоциации-заявителя в решении Земельного суда от 10 октября 1986 г. по делу о конфискации назван “заинтересованной стороной, потенциально несущей ответственность” (см. п. 15 выше).

Поэтому ассоциация-заявитель вправе требовать статус “жертвы” и от конфискации фильма, и от его ареста.

41. Из ранее сказанного следует, что окончательным в целях статьи 26 было решение, вынесенное Судом второй инстанции Инсбрука, от 25 марта 1987, которое было доведено до сведения “ОРИ” 7 апреля (см. п. 17 выше). В соответствии со своей обычной практикой Комиссия решила, что жалоба, которая была подана в течение шести месяцев со дня последней даты, была направлена своевременно. Соответственно, предварительное возражение Правительства должно быть отвергнуто.

II. О предполагаемом нарушении статьи 10

42. В жалобе ассоциации-заявителя указывалось, что арест и последующая конфискация фильма “Любвный собор” нарушили ее право на свобо-

ду слова, гарантированное статьей 10 Конвенции, которая предусматривает:

“1. Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

А. Произошло ли “вмешательство” в осуществление ассоциацией-заявителем свободы слова

43. В Комиссии Правительство признало, что вмешательство в осуществление ассоциацией-заявителем права на свободу слова имело место лишь в отношении ареста фильма, и это подчеркнуто в предварительном возращении (см. п. 35 выше). Однако данное предварительное возражение было отклонено, и вопрос о вмешательстве подлежит рассмотрению как применительно к аресту, так и применительно к конфискации.

Подобное вмешательство может рассматриваться как нарушение статьи 10, если только к нему не применимы требования ее п. 2. Поэтому Суд должен последовательно проанализировать, было ли такое вмешательство “предусмотрено законом”, преследовало ли оно правомерную цель и было ли оно “необходимо в демократическом обществе” для достижения данной цели.

В. Было ли вмешательство “предусмотрено законом”

44. Ассоциация-заявитель отрицала, что вмешательство было “предусмотрено законом”, утверждая, что статья 188 Уголовного кодекса Австрии была применена неправильно. Во-первых, по ее мнению, спорным было бы считать “уничижительным или оскорбительным” произведение искусства, которое изображает в сатирической форме персонажи или предметы религиозного культа. Во-вторых, трудно ссылаться на позицию людей, которые могли по своей воле смотреть фильм или не делать этого. В-третьих, праву на свободу художественного творчества, гарантированному статьей 17а Основного Закона, был придан недостаточный вес.

45. Суд неоднократно отмечал, что толкование и применение национальных законов относятся к ведению прежде всего национальных властей, в особенности судов (см. решение по делу *Корхер против Австрии* от 25 августа 1993 г. Серия А, т. 266-В, с. 36, п. 25).

Суды Инсбрука должны были найти баланс между правом на свободу художественного творчества и правом на уважение религиозных убеждений, гарантированным статьей 14 Основного Закона. Суд, как и Комиссия, не находит в представленных доказательствах никаких оснований для вывода, что право Австрии было применено неправильно.

С. Преследовало ли вмешательство “правомерную цель”

46. Правительство утверждало, что арест и конфискация фильма были направлены на “защиту прав других лиц”, в частности права на уважение религиозных чувств, и на “предотвращение беспорядков”.

47. Как указал Суд в своем решении по делу *Коккинакис против Греции* от 25 мая 1993 г. (Серия А, т. 260-А, с. 17, п. 31), свобода мысли, совести и религии, которая охраняется в соответствии со статьей 9 Конвенции, является одной из основ “демократического общества” в смысле настоящей Конвенции. Именно в ее религиозном измерении заключаются один из самых жизненно важных элементов самоидентификации верующих и их представления о жизни.

У тех, кто открыто выражает свою религиозную веру, независимо от принадлежности к религиозному большинству или меньшинству, нет разумных оснований ожидать, что они останутся вне критики. Они должны проявлять терпимость и мириться с тем, что другие отрицают их религиозные убеждения и даже распространяют учения, враждебные их вере. Однако способы критики или отрицания религиозных учений и убеждений могут повлечь за собой ответственность государства, если оно не обеспечивает спокойного пользования правом, гарантированным статьей 9, всем, кто придерживается этих учений и убеждений. В экстремальных ситуациях результат критики или отрицания религиозных убеждений может быть таким, что воспрепятствует свободе придерживаться или выражать такие убеждения.

В решении по делу *Коккинакиса* Суд в контексте статьи 9 решил, что государство может правомерно счесть необходимым принять меры против определенных форм поведения, включая распространение информации и идей, которые несовместимы с уважением свободы мысли, совести и религии других лиц (там же, с. 21, п. 48). Есть правомерное основание считать, что религиозные чувства верующих, гарантируемые статьей 9, подверглись оскорблению вследствие провокационного изображения предметов религиозного культа. Подобное изображение может рассматриваться как злонамеренное нарушение духа терпимости, который является отличительной чертой демократического общества. Конвенцию следует рассматривать в целом, а потому толкование и применение статьи 10 в настоящем деле должно соответствовать логике Конвенции (см. *mutatis mutandis* решение по делу *Класс и другие против Германии* от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 31, п. 68).

48. Обжалуемые меры основывались на статье 188 австрийского Уголовного кодекса, которая запрещает такое отношение к предметам религиозного культа, которое может вызвать “оправданное негодование”. Отсюда следует, что цель обжалуемых мер заключалась в защите граждан от оскорбления их религиозных чувств при публичном выражении взглядов другими лицами. Принимая во внимание соответствующие формулировки ре-

шений австрийских судов, Суд согласен с тем, что оспариваемые меры преследовали правомерную цель в соответствии со статьей 10 п. 2, а именно “защиту прав других лиц”.

Д. Были ли арест и конфискация “необходимы в демократическом обществе”

1. Общие принципы

49. Суд неоднократно подчеркивал, что свобода слова представляет собой одну из несущих опор демократического общества, одно из основополагающих условий для прогресса и развития каждого человека. Статья 10 при условии соблюдения требований п. 2 применяется не только по отношению к “информации” или “идеям”, которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или не достойные внимания, но также и в отношении тех, которые шокируют, обижают или вызывают обеспокоенность у государства или части населения. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет демократического общества (см., в частности, решение по делу *Хэндисайд против Соединенного Королевства* от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 24, с. 23, п. 49).

Однако, как это подтверждается текстом статьи 10 п. 2, всякий, кто пользуется правами и свободами, воплощенными в п. 1 данной статьи, берет на себя “обязанности и ответственность”. В их число — в контексте религиозных мнений и убеждений — правомерно может быть включена обязанность избегать, по мере возможности, выражений, которые беспричинно оскорбительны для других, являются ущемлением их прав и не приносят в публичные обсуждения ничего, что способствовало бы прогрессу в делах человеческих.

Поэтому по принципиальным соображениям в некоторых демократических обществах может быть сочтено необходимым подвергать санкциям или предотвращать неподобающие нападки на предметы религиозного культа при непременном соблюдении требования, что любые “формальность”, “условие”, “ограничение” или “санкция” будут соразмерны с преследуемой правомерной целью (см. упомянутое выше решение по делу *Хэндисайда, там же*).

50. Как и в случае с моралью, невозможно вычленить единообразное для всей Европы представление о значении религии в обществе (см. решение по делу *Мюллер и другие против Швейцарии* от 24 мая 1988 г. Серия А, т. 133, с. 20, п. 30 и с. 22, п. 35); даже внутри одной страны такие представления могут быть различны. По этой причине невозможно прийти к всеохватывающему определению того, что представляет собой допустимое вмешательство в осуществление права на свободу слова там, где такое слово направлено против религиозных чувств других лиц. Поэтому национальные власти обладают широким полем усмотрения при оценке потребности и степени такого вмешательства.

Однако это усмотрение не беспредельно. Ему сопутствует контроль на основании Конвенции, границы которого изменчивы в зависимости от обстоятельств. В делах, подобных настоящему, там, где имелось вмешательство

в осуществление свобод, гарантированных статьей 10 п. 1, контроль должен быть строгим в силу значимости свобод, о которых идет речь. Необходимость любого ограничения должна быть установлена со всей убедительностью (см. решение по делу *“Информационсферайн Лентиа” и другие против Австрии* от 24 ноября 1993 г. Серия А, т. 276, с. 15, п. 35).

2. Применение указанных выше принципов

51. Фильм, который был арестован, а затем конфискован на основании судебных решений, вынесенных австрийскими судами, основывался на театральной пьесе многолетней давности, но Суд занимается только кинопроизведением, о котором идет речь.

(а) Арест

52. Правительство утверждало, что арест фильма был необходим из-за содержащихся в нем нападок на христианскую религию, особенно римско-католическую. Эта направленность фильма подчеркивалась тем, что он воспроизводил судебный процесс 1895 г. над автором пьесы, положенной в основу фильма. Особенно резким и оскорбительным выпадом против католической морали был финал фильма.

При этом следует учитывать большую роль религии в повседневной жизни жителей Тироля. Удельный вес католиков в населении Австрии значителен — 78%, но среди тирольцев он еще выше и составляет 87%.

Соответственно, существовала острая социальная потребность в сохранении религиозного мира; нужно было защитить общественный порядок, для которого фильм представлял опасность, и суды Инсбрука не преступили в этом отношении предоставляемый им предел усмотрения.

53. Ассоциация-заявитель утверждала, что она действовала ответственно, стремясь избежать возможности оскорбить чьи-либо чувства. Она подчеркнула, что планировала показать фильм в своем кинотеатре, который был доступен только за входную плату; кроме того, ее публика в целом состояла из лиц, интересующихся прогрессистской культурой. И наконец, во исполнение действующего в Тироле законодательства лица моложе семнадцати лет не были бы допущены на просмотр фильма. Поэтому не было никакой реальной опасности, чтобы кто-либо оказался подвержен воздействию спорного материала против своего желания.

Комиссия по существу согласилась с этой позицией.

54. Суд отмечает прежде всего, что, хотя доступ в кинотеатр был обусловлен входной платой и ограничением по возрасту, фильм широко рекламировался. Общественности было достаточно хорошо известно, о чем фильм и его основное содержание, чтобы получить ясное представление о его характере; по этой причине даже предполагаемый показ фильма был достаточно “публичным” и мог быть воспринят как оскорбление чувств верующих.

55. Перед Судом стоит проблема, как уравновесить противоречивые интересы при осуществлении двух основополагающих свобод, гарантируемых Конвенцией, а именно: права ассоциации-заявителя сообщать общественности спорные взгляды, что подразумевает и право заинтересованных

лиц знакомиться с такими взглядами, с одной стороны, и права других лиц на должное уважение их свободы мысли, совести и религии, с другой стороны. Решая эту проблему, следует принять во внимание пределы усмотрения, оставленные национальным властям, чей долг в демократическом обществе состоит также в том, чтобы учитывать в границах их компетенции интересы общества в целом.

56. Австрийские суды, распорядившись об аресте, а в последующем и о конфискации фильма, рассматривали его как оскорбительный, в глазах тирольской публики, выпад против римско-католической церкви. Их судебные решения показывают, что они с должным вниманием отнеслись к свободе художественного творчества, гарантированной статьей 10 Конвенции, и для которой статья 17а Основного Закона Австрии предусматривает особую защиту. Однако они не считали, что достоинства фильма как произведения искусства или как вклада в публичное обсуждение проблем делали извинительными такие его черты, которые в значительной мере были бы восприняты широкой публикой как оскорбление. После просмотра фильма в ходе рассмотрения дела суды отметили провокационное изображение Бога Отца, Девы Марии и Иисуса Христа (см. п. 16 выше). Содержание фильма (см. п. 22 выше), как было сказано, не может служить основанием для опровержения вывода, к которому пришли австрийские суды.

Суд не может игнорировать тот факт, что римско-католическая вера является религией подавляющего большинства тирольцев. Наложив арест на фильм, австрийские власти действовали в интересах обеспечения религиозного мира в этом регионе и для того, чтобы у отдельных людей не сложилось ощущение, что их религиозные представления стали объектом необоснованных и оскорбительных нападок. В первую очередь именно национальным властям, которые находятся в более выгодном положении, чем международный суд, приходится давать оценку потребности в подобной мере в свете той ситуации, которая складывается в данном месте и в данное время. Во всех обстоятельствах настоящего дела Суд ни разу не счел, что действия австрийских властей могут рассматриваться в этом отношении как выходящие за пределы их усмотрения.

Поэтому в том, что касается ареста, Суд не видит нарушения статьи 10.

(b) Конфискация

57. Вышеупомянутые рассуждения применимы также и к конфискации, акту, который окончательно определил законность ареста и, согласно законодательству Австрии, был обычным продолжением последнего.

Статья 10 не может быть истолкована как запрещающая конфискацию в публичном интересе предметов, использование которых должным образом правомерно было признано незаконным (см. вышеупомянутое решение по делу Хэндисайда, с. 30, п. 63). Хотя конфискация делает невозможным показ фильма где-либо на территории Австрии в будущем, Суд считает, что использованные средства не являются несоразмерными преследуемой законной цели, а потому национальные власти не превысили в этом отношении пределов своего усмотрения.

Соответственно, нарушение статьи 10 не имело места и в том, что касается конфискации.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* единогласно, что Правительство утратило право ссылаться на свое субсидиарное предварительное возражение;
2. *Отверг* единогласно предварительное возражение Правительства;
3. *Постановил* шестью голосами против трех, что ни арест, ни конфискации не были нарушением статьи 10 Конвенции.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 20 сентября 1994 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ПАЛМ, ПЕККАНЕНА И МАКАРЧИКА

1. Мы сожалеем, что не можем согласиться с большинством в том, что нарушения статьи 10 не было.

2. Суд встретился с необходимостью найти равновесие между двумя правами Конвенции, вступившими в очевидный конфликт друг с другом. Это, с одной стороны, право на свободу религии (статья 9), на которое ссылается Правительство, и, с другой стороны, право на свободу слова (статья 10), на которое ссылается ассоциация-заявитель. Так как дело касается ограничений последнего права, наши рассуждения будут концентрироваться вокруг того, были ли они “необходимы в демократическом обществе”, а потому допустимы в силу п. 2 статьи 10.

3. Как справедливо заявляет большинство, вторя знаменитой выдержке из судебного решения по делу *Хэндисайд против Соединенного Королевства* от 7 декабря 1976 г. (Серия А, т. 24), свобода слова является одной из фундаментальных опор “демократического общества”; она применяется не только по отношению к “информации” или “идеям”, которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или недостойные внимания, но также и в отношении тех, что шокируют, обижают или вызывают обеспокоенность у государства или части населения. Нет смысла гарантировать эту свободу лишь постольку, поскольку она используется в соответствии с общепринятым мнением.

Отсюда следует, что условия статьи 10 п. 2, в рамках которых может в исключительных случаях допускаться вмешательство в осуществление права на свободу слова, должны толковаться узко; пределы усмотрения государства в данной области не могут быть широкими.

В частности, власти государства не должны произвольно решать, может ли конкретное заявление “привнести в публичные обсуждения что-

либо способное содействовать прогрессу в делах человеческих”, подобное решение не должно отражать представления властей “о прогрессе”.

4. Необходимость конкретного вмешательства для достижения правомерной цели должна быть убедительно установлена (см. решение по делу *“Информационсферайн Лентиа” и другие против Австрии* от 24 ноября 1993 г. Серия А, т. 276, с. 15, п. 35). Это более чем справедливо в таких случаях, как настоящее дело, где вмешательство в виде ареста приобретает форму предварительного ограничения (см. *mutatis mutandis* решение по делу *“Обсервер” и “Гардиан” против Соединенного Королевства* от 26 ноября 1991 г. Серия А, т. 216, с. 30, п. 60). Существует опасность, что подобное предварительное ограничение, если оно будет применяться для защиты интересов могущественных групп в обществе, может пагубно сказаться на терпимости, от которой зависит сохранение плюралистической демократии.

5. Суд был совершенно прав, когда указал, что те, кто создает, распространяет или выставляет произведения искусства, содействуя обмену мнениями или идеями и самореализации личности, делают нечто жизненно важное для демократического общества, а потому на государство налагается обязанность не вмешиваться чрезмерно в их свободу выражения мнений (см. решение по делу *Мюллер и другие против Швейцарии* от 24 мая 1988 г. Серия А, т. 133, с. 22, п. 33). Мы также согласны с тем, что хотя не все при этом может считаться произведением искусства в общепринятом смысле, но те, кто обращается к широкой публике, не могут на этом основании быть освобождены от возлагаемых на них “обязанностей и ответственности”, их объем и характер зависят от ситуации и используемых средств (см. упомянутое выше решение по делу *Мюллер и другие*, с. 22, п. 34).

6. Формулировки Конвенции четко не гарантируют права на защиту религиозных чувств. Более того, подобное право нельзя вывести из права на свободу вероисповедания, которое в действительности включает в себя право критиковать религиозные представления других лиц.

Тем не менее следует согласиться, что некоторые меры защиты религиозных чувств определенной части общества от критики и оскорблений могут быть правомерными в целях статьи 10; толерантность работает в обе стороны, и если грубые нападки на репутацию религиозных групп будут дозволены, то пострадает демократический характер общества. Соответственно, нужно принять и то, что установление пределов публичному выражению такой критики и оскорблений может быть “необходимым в демократическом обществе”. До сих пор, но не далее, мы можем согласиться с большинством.

7. Долг и обязанность любого лица, которое хочет воспользоваться свободой слова, состоят в том, чтобы со своей стороны умерить, насколько это возможно и разумно, обиды, наносимые другим лицам. Если оно не делает этого либо если то, что лицо делает, окажется недостаточным, тогда только может вмешаться государство.

Даже если потребность в запретах и будет очевидна, то соответствующие меры должны быть “соразмерны преследуемой правомерной цели”. Согласно устоявшейся практике Суда, с которой мы полностью согласны, следует стремиться к другому, менее репрессивному решению проблемы (см. в качестве примера упомянутое выше решение по делу *“Информационсферайн Лентиа” и другие*, с. 16, п. 39).

Необходимость в репрессивных действиях, вплоть до полного запрета пользоваться свободой слова, может быть приемлема, если поведение, о котором идет речь, достигает такой высокой степени злоупотребления и подходит столь близко к отрицанию свободы вероисповедания других лиц, что само утрачивает право на терпимое отношение к себе со стороны общества.

8. Относительно необходимости каких-либо действий со стороны государства в данном деле мы хотели бы подчеркнуть различие между настоящим случаем и делом *Мюллер и другие*, в котором Суд не нашел нарушения статьи 10. Картины г-на Мюллера были доступны для обозрения широкой публике без каких-либо ограничений, так что они могли попасть и действительно попали на глаза людям, которым они казались неприличными.

9. В отличие от картин г-на Мюллера фильм предназначался для платного показа аудитории “искусствоведческого кинотеатра”, который обслуживал относительно немногочисленную публику, любящую экспериментальное кино. Поэтому маловероятно, чтобы в его аудитории оказались люди, не заинтересованные в том, чтобы увидеть фильм.

Более того, эта аудитория получила достаточную возможность предварительно ознакомиться с характером фильма. В отличие от большинства мы считаем, что, объявляя, выпущенные ассоциацией-заявителем, были направлены на предоставление информации о критическом подходе фильма к римско-католической вере; и в самом деле, сделано это было достаточно четко, с тем чтобы позволить лицам, чувствительным к религиозным вопросам, со знанием дела принять решение воздержаться от посещения.

Таким образом, вероятность того, чтобы в настоящем случае кто-нибудь непредумышленно столкнулся с неприемлемыми для него материалами, невелика.

Поэтому мы заключаем, что ассоциация-заявитель действовала ответственно и таким образом, чтобы ограничить возможные предвидимые отрицательные последствия показа фильма.

10. И наконец, как это было заявлено ассоциацией-заявителем и не отрицалось Правительством, поскольку закон Тироля запрещал показывать такой фильм лицам моложе семнадцати лет, в анонсе ассоциации-заявителя содержалось уведомление об этом.

При таких обстоятельствах опасность того, что фильм увидят лица, для которых он не подходит по возрасту, можно сбросить со счетов.

Таким образом, у австрийских властей имелась возможность применения менее жесткой меры, чем арест фильма, и одновременно смягчения возможных последствий его показа.

11. Мы не отрицаем, что показ фильма мог бы оскорбить религиозные чувства некоторой части населения Тироля. Однако, принимая во внимание меры, фактически принятые ассоциацией-заявителем в интересах охраны тех, кто мог бы счесть себя оскорбленным, и защиту, предоставляемую австрийским законодательством тем, кто не достиг семнадцати лет, мы, взвесив все, полагаем, что арест и конфискация фильма, о котором идет речь, были несоразмерны преследуемой правомерной цели.